

В. К. Казарян

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗОВАНИЯ ОСНОВ АРМЯНСКОГО АОРИСТА

1.

Среди индоевропейцев, пишущих об армянском языке в контексте сравнительно-исторического языкознания, преобладает мнение о том, что армянский язык в общем и глагол в частности претерпели большие изменения, иначе говоря, «глубокую трансформацию» [Макаев 1967: 75]. Такой подход к проблеме происхождения форм армянского глагола восходит к Г. Гюбшману и А. Мейе. Г. Гюбшман в заключении к своей знаменательной работе «Armenische Studien» высказал мнение, что армянские формы глагола плохо поддаются объяснению. Он считает, что архаичные формы армянского глагола заменены инновациями и, поскольку у нас нет текстов, относящихся к периоду, предшествующему этим инновациям, мало надежд, что когда-либо эти формы удастся надежно определить [Hübschmann 1883: 95]. По мнению А. Мейе, классический армянский (древнеармянский) язык, наследуя грамматические категории индоевропейского праязыка, коренным образом преобразовал всю систему глагола [Meillet 1936: 103]. Это происходит в результате ввода собственных инноваций: исчезает праиндоевропейский перфект, атематическое спряжение, образуется «цойный» аорист и т.д. Таким же образом многие исследователи армянского языка в XX в. рассматривают армянский глагол как далеко отошедший от индоевропейского первоисточника (см. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974] и др.).

К. Х. Шмидт посвятил несколько статей особенностям возникновения форм армянского глагола [Schmidt 1980, 1985]. На втором симпозиуме по арменистике, прошедшем в 1982 г. в Ереване, выступая с докладом «Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums», он сравнил общие черты армянского глагола с другими индоевропейскими языками и предпринял по-

пытку выявить индоевропейские архаизмы в древнеармянском языке. К.Х. Шмидт отмечает возможные пути образования армянского аориста от индоевропейского опплатива или от протоармянского имперфекта с суффиксом **-ske/o-*, что способствовало вытеснению индоевропейского сигматического аориста [Schmidt 1980: 49–50, 1985: 233–234]. Преобразования индоевропейского имперфекта в армянский аорист отмечали и другие лингвисты (ср. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974]). По моему мнению, этот процесс имел частичный характер, и, как будет показано ниже, в целом армянский аорист сохранил многие общие черты древнего индоевропейского аориста.

В данной статье будет рассмотрен аорист, его отличия от презенса и факт сохранения индоевропейской бинарной оппозиции презенса-аориста в древнеармянском языке.

Система глагола древнеармянского языка обнаруживает бинарную оппозицию глагольных видовременных основ. Отвлекаясь от проблемы праиндоевропейского перфекта, такое бинарное противопоставление можно возвести к индоевропейскому состоянию, когда презенс и аорист имели свои способы образования основ, и в зависимости от лексического значения корней соответствующие видовременные формы имели немаркированную (корневую) или маркированную (с помощью аффиксации, редупликации или аблаута) основы. Разграничение основ аориста и презенса подчинялось следующему принципу: маркированному презенсу соответствует немаркированный аорист, а немаркированному презенсу – маркированный аорист.

В индоевропеистике XX века различают в соответствии с современными общелингвистическими теориями способ действия (*Aktionsart*) и глагольный вид (*Aspect*). Данное противопоставление имеет большое значение для описания видовременной системы индоевропейского праязыка.

2.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о первичности или вторичности глагольной системы хеттского языка по отношению к праязыку остальных ветвей, основой реконструкции общеиндоевропейского глагола была и остается греко-индоиранская система.

При рассмотрении видовременной системы индоевропейского глагола, изложение будет исходить из предложенной В. Мейдом и расширенной Э. Нойем и Э. Поломе пространственно-временной модели индоевропейского праязыка [Meid 1975; Neu 1976, 1985; Polomé 1981, 1985]; см. также [Drinka 1988: 254]:

I. Раннеиндоевропейский период (V тыс. до н.э.) — представленный архаичными формами «восточных» (греческий, древнеиндийский) и «западных» (италийские, кельтские, германские) индоевропейских языков.

II. Среднеиндоевропейский период (V–IV тыс. до н.э.) — представленный поздними общими чертами в «восточных» и «западных» индоевропейских языков.

III. Позднеиндоевропейский период (III–II тыс. до н.э.) — представленный поздними инновациями для каждой ареальной группы.

1.1. Раннеиндоевропейский глагол характеризуется бинарным противопоставлением глаголов активного действия и состояния. Первичность подобного противопоставления подтверждается в первую очередь характером основ и флексий глаголов активного действия и состояния. Общеизвестно, что окончания презенса и аориста имеют общее происхождение, в то время как перфект обладал присущими только ему личными окончаниями (см. [Савченко 1960: 9, 11; Safarewicz 1974: 51], русск. перев. [Сафаревич 1964: 14]; [Джаукян 1987: 45]). Известный отечественный санскритолог Т.Я. Елизаренкова, изучая способы образования основ презенса и аориста, приходит к выводу о том, что эти две системы в более ранний период представляли собой единое целое и, только впоследствии происходила их дифференциация [Елизаренкова 1960: 10]; см. также [Kuiper 1937: 72]. Отдельную систему составляли глаголы, передающие значение статива, которые впоследствии приобрели особые морфологические признаки (редупликация, корневая огласовка *-o-) и легли в основу морфологической категории перфекта и, возможно, медиального залога.

В раннеиндоевропейском периоде, когда еще не сформировался аспект, акциональное противопоставление не имело морфологического выражения и способы действия передавались лексическими возможностями корня, ср. корневые основы **d^heh₁-*

‘класть’, **deh*₃- ‘дать’, **b^heid*- ‘ударить’, **g^wem*- ‘идти’, **k^wer*- ‘делать’, **h₃erg*- ‘гибнуть’ и т.д.

1.2. В среднеиндоевропейский период глаголы действия с корневой основой, в зависимости от лексического значения корня могли передавать такие значения как дуративность и терминативность (недуративность, пунктивность). Если корневая основа, в силу лексического значения корня, выражает терминативное значение, то с помощью грамматических маркеров (аффиксации, редупликации, аблаута) глагол может передавать значение дуративности, инхоативности, итеративности или интенсивности, и наоборот, если базовым для корневой основы является дуративное значение, то с помощью дополнительных грамматических маркеров глагол может выражать значение терминативности [Gotō 2013: 82]¹.

Некоторые дуративные глаголы не позволяют им принимать маркеры, выражающие терминативное значение. Тогда срабатывает другой способ выражения соответствующего терминативного значения — супплетивизм [Gotō 2013: 82]. Супплетивизм присутствует во всех древних индоевропейских языках. Еще Г. Остгоф показал, что древнеармянский глагол *utem* ‘я ем’, аор. *keray* находит параллель в супплетивных парах с тем же значением в других языках, ср. др.-инд. *átti* ‘он ест’, аор. *ághas* и др.-гр. ἔδω ‘я ем’, аор. ἔφαγον [Osthoff 1899: 7]².

Таким образом, в среднеиндоевропейской эпохе, с помощью грамматических маркеров, развивается аспектуальная оппозиция перфектив vs. имперфектив. Формируется флексия с единственными вторичными окончаниями для всех глаголов действия.

Терминативные (так называемые «аористные») глаголы после формирования категории времени на третьем позднеиндоевропейском этапе, образуют корневые сильные формы аориста [Austefjord 1988: 26]. Поскольку от их корневой основы не

¹ В. Порциг полагал, что поскольку форманты, оформляющие в праиндоевропейском способы действия, часто совпадают с именными основами, они могут отражать состояния праязыка, в котором одна и та же основа могла склоняться и спрягаться [Porzig 1927: 152].

² О супплетивизме см. также [Мейе 1938: 214; Gotō 2013: 82].

могли образовываться формы настоящего времени, в качестве основ настоящего времени выступали вторичные образования, основные типы которых перечислены ниже.

1) Редуцированные основы:

а) $*d^h e h_1-$ ‘положить’ → $*d^h e-d^h e h_1-$ ‘класть’: вед. аор. *ádhāt* ‘он положил’, през. *dádhāti*; авест. през. *dadāiti*; др.-гр. аор. ἔθηκε ‘положил’ (мик. *te-ke*, гомер. θῆκε), през. τίθημι ‘кладу’; др.-арм. аор. *ed* ‘он положил’, през. с назальным инфиксом *dnem* ‘я кладу’; хетт. *zikkizzi* (презенс с суффиксом $*-ské/o-$) наряду с *tēzzi* ‘кладет’.

б) $*deh_3-$ ‘дать’ → $*de-deh_3-$ ‘давать’: вед. аор. *ádāt* ‘он отдал’, през. *dādāti* ‘дает’; авест. през. *dadāiti* ‘дает’; др.-гр. аор. ἔδομεν, през. δίδωμι ‘даю’; ср. также древнеармянский корневой аорист *et*.

в) $*stéh_2-$ ‘поставить’ → $*sti-stéh_2-$ ‘ставить’: вед. аор. *ásthāt* ‘положил’, през. *tíṣṭhati* ‘ставит’, авест. *hištānti* ‘ставит’; др.-гр. аор. ἔστην, през. ἵστημι ‘ставлю’; лат. през. *sistō* ‘ставлю’, умбр. през. *sest*.

2) Основы, образованные с помощью инхоативно-итеративного суффикса $*-ské/o-$:

а) $*g^w em-$ ‘идти’ → $*g^w m-ské/o-$ ‘ходить’: вед. аор. *ágan*, през. *gácchati* ‘ходит’; авест. през. *jasaiti* ‘ходит’; др.-гр. (Гом.) аор. βάτην, импер. βάσκε ‘иди’, през. $*\acute{\beta}\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$; др.-арм. корневой аорист с аугментом *ekn* ‘пришел’.

б) $*prek-$ ‘спросить’ → $*prk-ské/o-$ ‘спрашивать’: вед. аор. *áprāt* ‘спросил’, през. *prcchāti* ‘спрашивает’; авест. *pərəsā*; лат. през. *poscō* ‘требую’; др.-арм. корневой аорист *eharc* ‘он спросил’.

3) Основы, образованные с помощью назальных аффиксов. В индоевропейских языках в процессе образования основ презенса немаловажную роль сыграли назальные аффиксы. Существует обширная литература о происхождении назального форманта, его функций и роли в формировании основ презенса [Benveniste 1935; Kuiper 1937; Puhvel 1960; Cowgill 1963; Strunk 1967; Meiser 1993]; для отдельных языков см. [Fay 1904, 1905a, 1905b; Tedesco 1948; Greppin 1973; Hamp 1975; Ařak‘elyan 1980; Иванов 1965] и т.д. Назальный формант, так или иначе, отражен во всех индоевропейских языках, но лучше всех представлен в

индоиранских. Санскритские грамматики глаголы с назальным аффиксом, в соответствии с их структурой, распределили по трем классам — V, VII и IX. Согласно Ф. де Соссюру, эти классы имеют общее происхождение. Анализируя классы с назальными аффиксами, он утверждает, что *punā-* ‘очищать’ и *śṛṇo-* ‘слышать’ возникли из *puə-* и *śru-*, так же, как и *bhinad-* ‘разбивать’ от корня *bhid-* [Соссюр 1977: 519–523]:

a) $*b^h\text{eid-}/*b^h\text{id-} + *ne/n- > *b^h\text{i-ne-d-}/*b^h\text{i-n-d-}$: др.-инд. *bhináti/ bhīndmās* ‘разбивать’.

b) $*preuə-/*puə- + *ne/n- > *pu\text{-ne-ə-}/*pu\text{-n-ə-}$: др.-инд. *punáti/ punīmās* ‘очищать’.

c) $*k̑leu-/k̑lu- + *ne/n- > *k̑\text{-ne-u-}/*k̑\text{-n-u-}$: др.-инд. *śṛṇóti/ śṛṇumās* ‘слышать’.

Идея Соссюра впоследствии получила широкое распространение и находит много сторонников в современной индоевропеистике. При этом есть два подхода к первоначальной структуре назального форманта. Часть лингвистов поддерживает предложенную Соссюром реконструкцию инфикса $*ne/n-$ с аблаутом и слабой ступенью корня [Specht 1932: 82; Cowgill 1963: 252; Савченко 1974: 265] и др. Другие исследователи восстанавливают формант $*n-$ [Hirt 1900: 46, 138 и сл., 1928: 198 и сл.; Бенвенист 1955; Strunk 1967: 26]. Так или иначе, назальный инфикс является общеиндоевропейским архаизмом.

Из сочетаний назального инфикса с ларингалом и формантом $*u-$ возникают назальные суффиксы³. Тематизация атематических основ с назальными аффиксами происходит предположительно в позднеиндоевропейскую эпоху. Согласно А. Мейе, тематический тип др.-инд. *siñcāti*, авест. *hinčaiti* ‘ллет’, при аор. *ásicat* относится к индоевропейской эпохе [Мейе 1938: 231].

Для данной статьи важное значение имеет проблема функции назальных аффиксов в праязыке и их отражение в армянском и других индоевропейских языках. Детально рассмотрев назальные классы Ригvedы (VII, V, IX), Т. Я. Елизаренкова приходит к выводу, что подавляющее большинство глаголов этих

³ Об образовании назальных суффиксов от инфиксов пишут Е. Курилович [1964: 107], О. Семереньи [1970: 286–288] и др.

классов имело переходное значение и, сочетаясь с терминативным видом, впоследствии приобретало значение каузативности [Елизаренкова 1961: 106 и сл.]. Это значение присуще всем трем классам санскрита, обладающим назальным аффиксом: *rinákti* ‘отпускает’ при *rícyate* ‘отпускается’; *muñcáti* ‘освобождает’ при *múcyate* ‘освобождается’; *punáti* ‘очищает’ при *pávate* ‘очищается’; *kṣinóti* ‘уничтожает, разрушает’ при *kṣīyate* ‘разрушается’. Каузативное значение глаголов с назальным формантом обнаруживается также в других индоевропейских языках (см. [Казарян 2007: 114–115]). Довольно четкое каузативное значение имеют назальные глаголы хеттского языка [Surtevant 1951: 127, 196; Иванов 1965: 175]. В хеттском глагол *harakzi* ‘гибнуть’ (*hark-* < **h₃érg-* ‘гибнуть’) при присоединении суффикса *-*ske/o-* образует итеративный глагол *harkisk-*, а с помощью назального форманта – каузативный глагол ‘губить, уничтожать’: *harnink-* < **h₃r-né/n-g-* (с назальным инфиксом), *harganu-* (с назальным суффиксом). Этот же глагол представлен в армянском языке с подобным значением: *harkanem* ‘бью, уничтожаю’. Можно упомянуть также хеттский глагол *arnuzi* ‘сдвигает, доставляет’, имеющий прямые параллели в др.-инд. *ṛṇóti* ‘двигает’ и др.-гр. ῥύωμι ‘поднимаю’. Каузативное значение этого глагола в древних памятниках трех языков представляет собой важную закономерность, позволяя исследовать значения данного морфологического типа в общиндоевропейском языке [Иванов 1965: 178]. Армянские назальные глаголы, имеющие надежные индоевропейские соответствия, характеризуются переходностью, а также каузативным значением: *bekanem* ‘ломаю’, ср. др.-инд. *bhanákti* ‘ломает’, лит. *bengiù* < **b^h-né/n-g-*; *bucanem* ‘выращиваю, кормлю’, ср. др.-инд. *bhunákti* ‘ест’ < **b^hu-né/n-g-*; *banam* ‘открываю’, ср. др.-гр. φαίνω ‘показываю’ < **b^h-né/n-h₂-* и т.д.

Противопоставление индоевропейских основ презенса и аориста очень ярко выражено в глагольных классах, имеющих в презенсе назальные аффиксы, а в аористе, как правило, корневую основу. В частности, К. Штрук, обращаясь в своем обстоятельном исследовании к взаимоотношениям назальных аффиксов и аориста в древнеиндийском и греческом, устанавливает, что глаголам с назальными суффиксами *-*neu/nu-* и *-*nā/nā-* присущ корневой аорист [Strunk 1967]. Необходимо уточнить, что назаль-

ные «презентные» основы являются маркированными и образованы от «аористных» корневых основ. Назальные аффиксы таким образом служат для образования основ презенса от корневых основ аориста глаголов с признаками переходности, однократности, терминативности.

Глагольная система древнеармянского языка унаследовала от индоевропейского праязыка противопоставление основ презенса и аориста. Исчезновение редупликации и аблаута в системе презенса привели к более яркой выраженности назальных форм презенса по отношению к корневому аористу. Древнеармянские глаголы, оканчивающиеся на *-an-em* и *-an-im*, восходящие к индоевропейским глаголам с инфиксальной презентной основой образуют тематические корневые основы аориста. Наряду с упомянутыми выше *bekanem*, *bucanem* и *harkanem*, можно упомянуть также:

а) **léik^w /lik^w* → **li-né/n-k^w* - ‘покидать’ > др.-арм. аор. *e-lik*’, през. *lk’anem* ‘покидаю’; др.-инд. корн. аор. *áricat*, през. *rinákti* ‘покидает’; др.-гр. корн. аор. ἔλιπον, през. λιπέω ‘оставляю’; лат. през. *linquō, -ere* ‘оставляет’.

б) **uéd-/uid-* → **ui-né/n-d-* ‘видеть, знать’; др.-арм. аор. *egit*, през. *gtanem* ‘нахожу’; др.-инд. корн. аор. *ávidat*, през. *vindáti* ‘находит’; авест. корн. аор. *vīdat*, през. *vīnastī* ‘находит’; др.-гр. корн. аор. εἶδον ‘увидел’.

Таким образом, в среднеиндоевропейский период образуются грамматические классы основ глагола с разными аспектуальными значениями. Можно сказать, что в этот период с помощью разных грамматических маркеров (аффиксация, редупликация, аблаут) происходит грамматикализация показателей способов действия (Aktionsart). На этом этапе еще нельзя говорить о видовременной системе индоевропейского глагола, поскольку категория времени еще не была морфологически выражена. Все классы основ имеют единый набор личных окончаний (так называемых «вторичных»), реконструируемых как 1 sg. **-m*, 2 sg. **-s*, 3 sg. **-t*, 3 pl. **-nt*. Приблизительно к таким же выводам приходит Б. Дринка [Drinka 1995].

1.3. На третьем позднеиндоевропейском этапе перед распадом индоевропейской языковой общности формируется противопоставление первичных и вторичных окончаний, выражающее кате-

горию времени. Формирование категории времени относится к эпохе диалектного членения и распада индоевропейской языковой общности. Одновременно с образованием временных форм завершается и формирование полноценной системы аспекта (имперфективность vs. перфективность). Начинает формироваться видовременная оппозиция форм презенса, имперфекта и аориста, которая не получает завершения из-за распада индоевропейского языка. Поэтому видовременная система индоевропейского глагола не поддается унифицированной реконструкции.

Оппозиция презенс-имперфект-аорист хорошо представлена в греко-индоиранском языковом ареале, к которому примыкает армянский. В древнеармянском от индоевропейского имперфекта остались только следы в системе аориста; древнеармянский имперфект является новообразованием [Schmidt 1985]: през. *berem* < **b^her-e-mi*, имперф. *beri* < **e-b^her-e-m*.

Таким образом, категория времени, связанная с различием первичных и вторичных окончаний, имеет позднее происхождение⁴.

На втором и третьем этапах индоевропейского праязыка, завершается оформление видовременной оппозиции презенс-имперфект-аорист, где темпоральная оппозиция происходит в рамках флексии, а аспектуальная оппозиция — в рамках глагольных основ:

1) Корневые (сильные, немаркированные) формы аориста для передачи значения протекания действия (импрефективность) получают грамматические маркеры (аффиксация, редупликация и т.д.) и образуют глагольные маркированные основы.

2) Корневые (немаркированные) основы с дуративным значением в системе презенса, образуют маркированные (редуплицированные, сигматические) основы аориста.

Редулицированные основы аориста хорошо представлены в древнеиндийском и древнегреческом⁵. Только в Ригведе коли-

⁴ Согласно Я. Сафаревичу, категория времени образовалась в эпоху самостоятельного развития отдельных диалектных групп индоевропейского языка ([Safarewicz 1974: 54]; перевод на русск. [Сафаревич 1964: 16]).

чество глаголов с редулицированным аористом до шестидесяти [Елизаренкова 1960: 111]. Однако не все из них первичны. Глагольные основы аориста с удвоением часто имеют каузативные глаголы. Необходимо отметить, что древнеиндийский X класс презенса характерен для глаголов с каузативным значением, имеющих редулицированный аорист, например, *coráyati* ‘крадет’ — аор. *ácūcurat*; *kṣāláyati* ‘стирает, моет’ — аор. *ácikṣalat*; *pīdáyati* ‘давит, мучит’ — аор. *ápipīdat*; *bódhati* ‘бодрствует’, кауз. *bodháyati* ‘будит’ — аор. *ábudha*, кауз. *ábūbudhat*; *janóti*, кауз. *janáyati* ‘порождает’ — аор. *ájan*, кауз. *ájījanat* и т.д.

О. Семереньи [1970: 299] приводит несколько древнегреческих глаголов с редулицированным аористом и каузативным значением: *ἔλαθετο* ‘забыл’, при *ἐκ-λέλαθον* ‘побудил (его) забыть’; *λαύχων* ‘выиграть, получить (по жребию)’; при *λελάχωνσι* ‘(чтобы они меня) включили в долю’.

Учитывая, что надежные формы данного типа аориста не встречаются вне греко-армяно-индоиранского ареала, можно предположить ареальный характер редулицированных основ аориста.

а) **uék^w-/uk^w-* → **ué-uk^w-e-* > др.-инд. аор. *ávocat* ‘он сказал’, през. *vákti* при редул. *vívakti* ‘говорить’; гр.-аор. *ἔ(φ)ειπον* ‘он сказал’, при *ἔπος* ‘слово, речь’, др.-арм. през. *goč’em* ‘кричу’;

б) **h₂ég-e-* > вед. *ájati* ‘нести’; авест. *azaiti*; арм. *acem* ‘нести’; гр. *ἄγω* ‘вести’ при редул. аор. *ἤγαγον*.

с) **ké-kad-e-* > **kád-e-*: др.-гр. (Гом.) аор. *κεκάδοντο* ‘отступать’; лат. през. *cadō, -ere* ‘падать’.

Для сигматического аориста трудно найти закономерность его соотношения с классами презентных основ — обстоятельство, подтверждающее позднее происхождение сигматического аориста⁶. К. Уоткинз полагает, что сигматический аорист появился только в части индоевропейских диалектов и является иннова-

⁵ Древнеармянский язык сохранил только одну основу аориста с удвоением: през. *ařnet* ‘я делаю’, аор. *arari*.

⁶ О позднем происхождении сигматического аориста см. [Meillet 1908: 79 и сл.; Kuryłowicz 1964: 109; Иванов 1965: 173–174] и др.

цией, которая получила развитие в отдельных диалектах [Watkins 1962: 101–102]. В этих диалектах сигматические образования распространяются за счет корневого аориста, постепенно вытесняя последний [Meillet 1908; Kuryłowicz 1964: 78]. Сходное явление наблюдается также в греческом, где, по мнению П. Шантрена, сигматический аорист на *-σα* «постепенно становится “нормальной” формой греческого аориста» [Шантрен 1953: 150]. Возможно, сигматический аорист развился на базе форм имперфекта, образованных от сигматических основ презенса (о соотношении сигматических основ презенса и аориста см. [Иванов 1959: 29–31; Watkins 1962]). Можно предположить, что исходные сигматические основы презенса и имперфекта передавали значение терминативности, моментальности, что больше присуще «аористичным» основам.

В древнеармянском, сигматический аорист как класс не сохранился. Его следы можно обнаружить в ряде форм презенса, образованных от основ сигматического аориста: **h₃néid-s-* > аор. *anēc*, през. *anic-an-em* ‘проклинаю’; **mer-s-* > аор. *meṙaw*, през. *meṙ-an-im* ‘умираю’. Наряду с корневым аористом, в армянском языке имеется так называемые «цойные» основы аориста. Происхождение аористного суффикса *-c’-* связывается с суффиксом **-ské/o-* (см. [Джаукян 1982: 89, 231]). Цойным способом аорист формируют все простые (корневые) глаголы спряжений на *-e-*, *-i-* и *-a-* (кроме глаголов *acem* ‘несу’, *berem* ‘несу’, *hanem* ‘снимаю’, *nstim* ‘сизжу’ и *lsem* ‘слушаю’).

В то время как в древнеиндийском, сигматический аорист чаще всего встречается у глаголов с корневыми тематическими презентными основами, в древнеармянском глаголы с корневыми тематическими презентными основами образуют цойный аорист:

а) **h₂eǵ-s-*: **h₂eǵ-e-*: др.-инд. аор. *ájiṣus*, през. *ájati* ‘вести’, др.-гр. аор. *ἦῥα*, при редупл. аор. *ἦγαγον*, през. *ἄγω* ‘вести’; др.-арм. през. *acem* ‘несу’.

б) **h₁ueǵ^{wh}-s-*: **h₁ueǵ^{wh}-*: др.-инд. аор. *áhuiṣṭa*, през. *óhate* ‘торжественно говорить’; др.-гр. аор. *ἦῥάμην*, през. *εὔχομαι* ‘молиться’, др.-арм. цойн. аор. *uzeac* ‘, през. *uzem* ‘хочу’.

в) **h₃méiǵ^h-s-*: *h₃méiǵ^h-e-*: др.-инд. аор. *ámikṣat*, през. *méhati* ‘мочиться’, др.-гр. аор. *ᾠμειξεν*, през. *ὠμιξεν* ‘мочиться’, лат. сигм. аор. *mīxī*, др.-арм. цойн. аор. *mizeac* ‘, през. *mizem* ‘мочиться’.

3.

Как отмечалось выше видовременная система с трехчастной оппозицией презенс-имперфект-аорист возникает в позднеиндоевропейскую эпоху. На третьем этапе индоевропейского языкового состояния наряду с презенсом и аористом образуется имперфект. Своими вторичными окончаниями он образует темпоральную оппозицию презенсу, а своей презентной основой — аспектуальную оппозицию аористу.

Глагольные основы, выражающие аспектуальные значения, распределяются соответственно со своими грамматическими характеристиками:

	Имперфективность	Перфективность
Настоящее время	$*d^h e-d^h eh_1-mi$ (презенс)	
Прошедшее время	$*d^h e-d^h eh_1-m$ (имперфект)	$*d^h eh_1-m$ (аорист)

Фактически, здесь мы имеем дело не с тернарной оппозицией презенс-имперфект-аорист, а с двумя бинарными оппозициями:

1) *Аспектуальная бинарная оппозиция:*

а) дуративная основа (презенс и имперфект) выражает имперфективный вид;

б) терминативная основа (аорист) выражает перфективный вид;

2) *Темпоральная бинарная оппозиция:*

а) настоящее время — презенс с первичными окончаниями;

б) прошедшее время — имперфект и аорист со вторичными окончаниями.

К этому периоду можно также отнести окончательное формирование оппозиции маркированных и немаркированных основ презенса и аориста, так как после возникновения категории имперфекта со вторичными окончаниями и значением несовершенного вида, единственным способом разграничения этого грамматического значения от аориста со значением совершенного

вида прошедшего времени была оппозиция основ презенса и аориста, характерная для того или иного глагола.

Таким образом, восстанавливаемая для индоевропейского по данным древнегреческого и древнеиндийского языков трехчастная система видовременного противопоставления в ряде индоевропейских языков перешла в систему с бинарной оппозицией. В древнеармянском она отражается как оппозиция презенса-аорист, морфологическое оформление которой видно на примере ряда инноваций в древнеармянском языке. Подобное превращение наблюдается также и в других индоевропейских языках — латинском, балтийских, славянских [Серебренников 1974: 256]. Разнообразные основы древнегреческого глагола уступают свое место бинарному противопоставлению презенса-аорист в новогреческом языке [Мейе 1938: 427].

4.

Подводя итог, можно констатировать, что еще в общеиндоевропейском праязыке развилась формальная и системная оппозиция глагольных основ презенса и аориста, которые противопоставлялись для каждого глагола по отдельности. Этим обусловлено появление в индоевропейском двух типов глагольных основ — маркированного и немаркированного. На их противопоставлении строится видовременная система глагола: немаркированному презенсу соответствует маркированный аорист и, наоборот, — немаркированному аористу соответствует маркированный презенс.

Подобное противопоставление особенно отчетливо проявляется на третьем этапе развития индоевропейского языка, после морфологического оформления в нем категории времени и развития форм имперфекта. Такая оппозиция маркированных и немаркированных форм исключает совпадение корневых основ имперфекта с корневыми основами аориста или редуцированной основой имперфекта с редуцированной основой аориста в рамках одного глагола, так как в этом случае становится невозможным формально отличать имперфект от аориста.

Такая система оппозиции глагольных основ презенса и аориста, начиная с индоевропейского периода, получает дальнейшее развитие в отдельных языках. Это состояние хорошо выра-

жено в древнеиндийском, в какой-то мере в древнегреческом и старославянском. Древнеармянский сохранил и развил подобное бинарное противопоставление, что привело к образованию регулярных глагольных классов, характеризующихся определенными сочетаниями основ презенса и аориста.

Литература

- Джаукян 1982 — Г. Б. Джаукян. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН АССР, 1982. [G. B. Dzhaukian. Sravnitel'naia grammatika armianskogo iazyka [Comparative grammar of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1982].
- Джаукян 1987 — Г. Б. Джаукян. История армянского языка: Дописьменный период (на арм. яз.). Ереван: Изд-во АН АССР, 1987. [G. B. Dzhaukian. Istorija armjanskogo jazyka: dopis'mennyj period [The History of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1987].
- Елизаренкова 1960 — Т. Ia. Elizarenkova. K voprosu o stanovlenii kategorii vremeni v drevneindiiskom iazyke (Rigveda) // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 16. [T. Ya. Elizarenkova. K voprosu o stanovlenii kategorii vremeni v drevneindiiskom jazyke (Rigveda) [On the formation of the tense category in Old Indic] // XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady delegatsii SSSR. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. P. 16].
- Елизаренкова 1961 — Т. Я. Елизаренкова. Значение основ презенса в «Ригведе» // М. Г. Асланов (ред.). Языки Индии: сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 91–165. [T. Ia. Elizarenkova. Znachenie osnov prezensa v «Rigvede» [The meaning of the present stems in Rigveda] // M. G. Aslanov (ed.). Iazyki Indii: sbornik statei. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. P. 91–165].
- Иванов 1959 — Вяч. Вс. Иванов. Тохарские языки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. [Viach. Vs. Ivanov. Tokharskie iazyki [Tocharian languages]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959].
- Иванов 1965 — Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: Наука, 1965. [Viach. Vs. Ivanov. Obshcheindoevropskaia, praslavianskaia i anatoliiskaia iazykovye sistemy [Proto-Indo-European, Proto-Slavic, and Anatolian language systems]. Moscow: Nauka, 1965].
- Казарян 2007 — В. К. Казарян. О некотором сходстве образования каузатива в армянском и тохарских языках // В. А. Кочергина (общ. ред.). Лингвистическая компаративистика в культурном и

- историческом аспектах. Материалы V международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 114–118. [V. K. Kazarian. O nekotomom skhodstve obrazovaniia kauzativa v armianskom i tokharskikh iazykakh [On the similarity of the formation of the causative in Armenian and Tocharian] // V. A. Kochergina (ed.). Lingvističeskaja komparativistika v kul'turnom i istoričeskom aspektakh. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po sravnitel'no-istoričeskomu iazykoznaniiu. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. P. 114–118].
- Макаев 1967 — Э. А. Макаев. Значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния // Историко-филологический журнал 4, 1967. С. 75–90. [E. A. Makaev. Znachenie armianskogo iazyka dlja rekonstruktsii obshcheindoeuropeiskogo sostoianiia [The significance of Armenian for the reconstruction of Proto-Indo-European] // Istoriko-filologičeskii žurnal 4, 1967. P. 75–90]
- Мейе 1938 — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. [A. Meie. Vvedenie v sravnitel'noe izučenie indoeuropeiskikh iazykov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomičeskoe izdatel'stvo, 1938]
- Савченко 1960 — А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1960. [A. N. Savchenko. Proiskhozhdenie srednego zaloga v indoeuropeiskom iazyke [The origin of middle voice in Indo-European]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1960]
- Савченко 1974 — А. Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая Школа, 1974. [A. N. Savchenko. Sravnitel'naia grammatika indoeuropeiskikh iazykov [Comparative grammar of Indo-European languages]. Moscow: Vysshaja shkola, 1974]
- Сафаревич 1964 — Я. Сафаревич. Развитие форматов времени в и.е. глагол'ной системе // В. Н. Топоров (отв. ред.). Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М.: Наука, 1964. С. 13–17. [Ja. Safarevich. Razvitije formativov vremeni v indoeuropejskoj sisteme [The development of tense formations in the Indo-European verbal system] // V. N. Toporov (ed.). Problemy indoeuropeiskogo iazykoznaniiia. Etiudy po sravnitel'no-istoričeskoj grammatike indoeuropeiskikh iazykov. Moscow: Nauka, 1964. P. 13–17]
- Серебрянников 1974 — Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. [B. A. Serebrennikov.

- Veroiatnostnye obosnovaniia v komparativistike [Probability methods in the comparative linguistics]. Moscow: Nauka, 1974]
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // А. А. Холодович (пер. с франц. яз. под ред.). Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 302–562. [F. de Saussure. *Memuar o pervonachal'noi sisteme glasnykh v indoevropeskikh iazykakh* [Memoir on the primitive system of vowels in Indo-European languages] // Trans. from French and ed. by A. A. Kholodovich. Ferdinand de Saussure. *Trudy po iazykoznaniiu*. Moscow: Progress, 1977. P. 302–562]
- Шантрэн 1953 — П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. [P. Chantraine. *Istoricheskaiia morfologiia grecheskogo iazyka* [Historical morphology of the Greek language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953]
- Ařak'elyan 1980 — V. D. Ařak'elyan. Seri k'erakanakan kargə ew bayacanc'nerə grabarowm [The category of voice and the verbal affixes in Old Armenian] // *Patma-banasirakan handes* 2, 1980. P. 72–86.
- Austefjord 1988 — A. Austefjord. On the oldest type of aorists in Indo-European // *Journal of Indo-European Studies* 16/1–2, 1988. P. 23–32.
- Barton 1973–1974 — Ch. Barton. The Armenian strong aorist // *Revue des études arméniennes* 10, 1973–1974. P. 27–38.
- Benveniste 1935 — E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1935.
- Bonfante 1942 — G. Bonfante. The Armenian aorist // *Journal of the American Oriental Society* 62/2, 1942. P. 102–105.
- Cowgill 1963 — W. Cowgill. Rec.: J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European Verb // *Language* 39/2, 1963. P. 248–270.
- Drinka 1988 — B. A. Drinka. Evidence for the space-time hypothesis. The IE s-aorist // *Journal of Indo-European studies* 16/3–4, 1988. P. 253–265.
- Drinka 1995 — B. A. Drinka. Areal linguistics in prehistory: Evidence from Indo-European aspect // A. Henning (ed.). *Historical Linguistics 1993. Selected papers from the 11th International Conference on Historical Linguistics, Los Angeles, 16–20 August 1993*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 143–158.
- Fay 1904 — E. Fay. The Indo-Iranian nasal verbs (part I — Introduction) // *American Journal of Philology* 25/4, 1904. P. 369–389.
- Fay 1905a — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part II) // *American Journal of Philology* 26/2, 1905. P. 172–203.
- Fay 1905b — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part III) // *American Journal of Philology* 26/4, 1905. P. 376–408.

- Gotō 2013 — T. Gotō. *Old Indo-Arian Morphology and Its Indo-Iranian Background*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013.
- Greppin 1973 — J. A. C. Greppin. The origin of Armenian nasal suffix verbs // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 87/2, 1973. P. 190–198.
- Hamp 1975 — E. Hamp. On the nasal presents of Armenian // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 89/1, 1975. P. 190–198.
- Hübschmann 1883 — H. Hübschmann. *Armenische Studien*. I. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- Kuiper 1937 — F. B. J. Kuiper. *Die indogermanischen Nasalpräsentia*. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam: Noord-hollandsche Uitgeversmaatschappij, 1937.
- Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Winter, 1964.
- Meid 1975 — W. Meid. Probleme der räumlichen und zeitlichen Gleiderung des Indogermanischen // H. Rix (Hrsg.). *Flexion und Wortbildung*. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Regensburg, 9. bis 14. September 1973. Wiesbaden: Reichert, 1975. P. 204–219.
- Meillet 1908 — A. Meillet. Sur l'aoriste sigmatique // *Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure*. Paris: Champion, 1908. P. 79–106.
- Meillet 1936 — A. Meillet. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1936.
- Meiser 1993 — G. Meiser. Zur Funktion des Nasalpräsens im Urindogermanischen // G. Meiser (Hrsg.). *Indogermanica et Italica*. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993. P. 280–313.
- Neu 1976 — E. Neu. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbal-systems // A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). *Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics Offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, June 5, 1976*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1976. P. 239–254.
- Neu 1985 — E. Neu. Das frühindogermanische Diathesensystem. Funktion und Geschichte // B. Schlerath, V. Rittner (eds.). *Grammatische Kategorien — Funktion und Geschichte*. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, 20. bis 25. Februar 1983. Wiesbaden: Reichert, 1985. P. 275–295.
- Osthoff 1899 — H. Osthoff. *Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen*. Heidelberg: Universitätsbuchdruckerei von J. Hörning, 1899.

- Polomé 1981 — E. L. Polomé. Indo-European verb morphology. An outline of some recent view with special regard to old Indic // International Journal of Dravidian Linguistics 9/1, 1981. P. 158–169.
- Polomé 1985 — E. L. Polomé. How archaic is old Indic? // U. Pieper, G. Stickel (eds.). *Studia linguistico diachronica et synchronica*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1985. P. 671–683.
- Porzig 1927 — W. Porzig. Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen // *Indogermanische Forschungen* 45/1, 1927. P. 152–167.
- Puhvel 1960 — J. Puhvel. *Laryngeals and the Indo-European Verb*. Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Safarewicz 1974 — J. Safarewicz. The development of the formants of tense in the Indo-European verbal system // J. Safarewicz. *Linguistic Studies*. The Hague: Mouton de Gruyter, 1974. P. 50–55.
- Schmidt 1980 — K. H. Schmidt. Armenian and Indo-European // J. A. C. Greppin (ed.). *First International Conference on Armenian Linguistics: Proceedings, the University of Pennsylvania, Philadelphia, 11–14 July 1979*. Delmar — New York: Caravan Books, 1980. P. 35–58.
- Schmidt 1985 — K. H. Schmidt. Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 98/2, 1985. P. 214–237.
- Strunk 1967 — K. Strunk. *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter, 1967.
- Sturtevant 1951 — E. H. Sturtevant. *A Comparative Grammar of the Hittite Language*. New Haven — London: Yale University Press, 1951.
- Tedesco 1948 — P. Tedesco. Slavic *ne-* presents from Older *je-* presents // *Language* 24/4, 1948. P. 346–387.
- Watkins 1962 — C. Watkins. *Indo-European Origins of the Celtic Verb. I The Sigmatic Aorist*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1962.